

Р. М. Баталова, Дialeктная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 1998. 70 с.

25 июня 1998 года на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания РАН состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником лаборатории финно-угорских языков этого института Раисой Михайловной Баталовой в форме научного доклада на тему «Дialeктная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении». Официальные оппоненты — доктора филологических наук В. К. Кельмаков (Удмуртский университет), Е. А. Игушев (Сыктывкарский университет) и Д. М. Насилов; ведущая организация — Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Доклад Р. М. Баталовой посвящен исключительно важной для каждого языка теме — всестороннему описанию системы территориально-структурных единиц языка (в данном случае коми-пермяцкого). Актуальность темы не нуждается в специальном обосновании, ибо для любого языка территориальные диалекты представляют собой живую основу всестороннего развития и обогащения его кодифицированной литературной формы, с одной стороны; эти же говоры, в просторанственно разлитом виде сохранившие различные этапы развития почти всех уровней системы языка, являются одним из важнейших источников изучения исторической грамматики, с другой.

К письменному воплощению своей диссертационной темы в виде научного доклада Р. М. Баталова шла путем многолетней и интенсивной работы в области коми-пермяцкой диалектологии: среди важнейших опубликованных ею трудов, представленных к защите, значатся — помимо нормативного коми-пермяцко-русского словаря (Баталова, Кривошекова-Гантман 1985), и около трех десятков статей в коллективных монографиях и сборниках — четыре монографических исследования по коми-пермяцкой диалектологии, выполненные методами дескриптивной и ареальной лингвистики:

1) «Коми-пермяцкая диалектология» (Баталова 1975), которая представляет собой подробное синхронное описание коми-пермяцких диалектов. Следует заметить, что коми-пермяцкому языку повезло, ибо ни один из восточных финно-угорских языков еще не имеет такого подробного обобщающего описания своих территориальных вариантов. Одним из недостатков монографии является, на мой взгляд, то, что весь диалектный материал подан в практической орфографии коми-пермяцкого литературного языка (естественно, с сохранением диалектных особенностей), а не в научной транскрипции, уже довольно детально разработанной к моменту издания рецензируемой книги во многих исследованиях по пермским языкам. Устное оправдание автора, что книга якобы написана для учителей и рядовых читателей Коми-Пермяцкого автономного округа, звучит не совсем убедительно: во-первых, исследование все же научное (а не научно-популярное); во-вторых, научному работнику следует не снисходить до уровня рядового читателя, а стремиться поднимать этот уровень; что касается данного случая, то с основами транскрипции учителя-языковеды знакомы, транскрипция введена и в школьное преподавание. Да и другие книги этого автора, не менее важные для коми-пермяцких школ, написаны с использованием транскрипции, а некоторые из них — на латинской графической основе(!). Такая непоследовательность фиксации диалектного материала в предшествующих исследованиях получила отражение и в докладе, к сожалению, отнюдь не положительное;

2) «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки» (Баталова 1982) — уникальное в коми языкознании описание фонетических и морфологических соответственных явлений коми-зырянских и коми-пермяцких говоров методом лингвистической географии. Данный труд с привлечением сведений из говоров удмуртского языка мог бы послужить исходной базой для диалектологического атласа пермских языков;

3) «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» (Баталова 1990) и 4) «Нижне-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка» (Баталова 1995) выполнены на основе «Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков», составленной К. Е. Майтинской и В. Феэнкером и одобренной специальной комиссией в Будапеште в 1988 г. Эти исследования, представляющие собой синхронное описание современного состояния двух диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка также являются значительным вкладом как в коми-пермяцкое языкознание, так и в пермистику и финно-угроведение в целом¹.

Научный доклад Р. М. Баталовой имеет следующие разделы: введение (с. 3—13); три не равнозначные по объему главы: «Вопросы современной научной классификации коми-пермяцких диалектов» (с. 13—14), «Фонетические особенности коми-пермяцких диалектов» (с. 15—28), «Морфологические особенности коми-пермяцких диалектов» (с. 29—62), заключение (с. 62—64). К докладу приложены списки публикаций (с. 65—67) и сокращений (с. 68—69), а также три карты (правда, 1-я и 3-я почему-то полностью идентичны). Как мне кажется, доклад в композиционном отношении выиграл бы, если бы его автор более последовательно пользовалась видами и размерами шрифта для заголовков различных разделов и подразделов. Повисают в воздухе и обозначенные автором четыре цикла, в которые объединены представленные на защиту монографии и статьи: 1) «Вопросы современной научной классификации коми-пермяцких диалектов», 2) «Вопросы ареального исследования коми-(пермяцкого и -зырянского) языков», 3) «Синхронное исследование коми-пермяцких диалектов», 4) «Вопросы изучения коми-пермяцких диалектов и их отношение к литературному языку» (с. 13). По логике вещей далее ожидалось бы появление соответствующих этим циклам четырех глав, однако в качестве отдельной главы выделен лишь первый цикл (с. 13—14).

Во «Введении» дается историко-лингвистическая справка о коми-пермяках и их языке (с. 3—5), некоторые разъяснения к

употреблению терминов с «приставкой» *коми-*: *коми-зырянский*, *коми-пермяцкий* и др. (с. 5—7), указывает на актуальность темы (с. 7—8), называет методы (с. 9) и источники (с. 9—11) исследования, отмечает научную новизна (с. 11—12), практическая значимость (с. 12), а также апробация работы (с. 12).

Глава «Вопросы современной научной классификации коми-пермяцких диалектов» невелика по объему, но очень важна, ибо дает ключ к последующему изложению и восприятию читателем материала. Р. М. Баталова представляет «последнее слово» в коми-пермяцкой диалектологии в вопросе о диалектном членении коми-пермяцкого языка. Ею выделены четыре наречия: верхнекамское, северное, южное и коми-язвинское, из которых северное и южное в свою очередь делятся на четыре диалекта и далее на ряд говоров. Автор в отличие от русской диалектологической школы пользуется термином *диалект* в значении «структурно-территориальная разновидность языка, по своей значимости иерархически расположенная между наречием и говором», т. е. вкладывает в термин то значение, которое традиционно употребляется в диалектологиях нерусских языков России, в том числе и пермских. На мой взгляд, такое соотношение понятий, обозначаемых терминами *наречие*, *диалект* и *говор*, является относительно более удобным для обозначения сложной иерархии диалектного дробления финно-угорских и других языков.

В этой главе небесспорным кажется мне определение статуса коми-язвинского диалекта в диалектном ландшафте коми языков. Рассматриваемая единица представляет собой, по мнению В. И. Лыткина, третье (бесписьменное) коми наречие наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким, т. е. является автономным и непосредственно не входит в систему диалектов ни коми-зырянского, ни коми-пермяцкого языка (Лыткин 1955 : 10; 1957 : 52—53; 1961 : 3, 21). Это положение первоначально было Р. М. Баталовой воспринято (1975 : 6), но начиная с монографии «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки», она включает язык коми-язвинцев в состав коми-пермяцкого языка как четвертое его наречие (Баталова 1982 : 6—7; 1990 : 5; 1995 : 5). В этой связи хотелось бы получить более подробную аргументацию автора; в докладе об этом сказано мимоходом: «Последующие исследования автора позволили включить в их число

¹ Несколько ранее я уже имел возможность высказать свое положительное мнение обо всех этих работах в связи пространной рецензией на последнюю из перечисленных здесь монографий Р. М. Баталовой (Кельмаков 1997).

и четвертое наречие коми-пермяцкого языка — коми-язвинское, наречие язвинских пермяков» (с. 14).

Я все же придерживаюсь традиционного подхода к этому вопросу, восходящего к трудам В. И. Лыткина, мотивируя это следующим образом: хотя определенные особенности фонетики (качественно-вокальный тип ударения, сужение гласных в отдельных грамматических формах, употребление веллярного *л* и т. д.) действительно сближают коми-язвинский диалект с некоторыми южными диалектами коми-пермяцкого языка, однако наличие в его фонетике таких явлений, как восьмигласная система вокализма (функционирование восьмой фонемы *й*), огубленное произношение *ö* (= *o*), более открытый и заднерядный характер *ы* (= *ÿ*; в записи В. И. Лыткина, *o*), не свойственных ни коми-зырянским, ни коми-пермяцким диалектам, но создающих интимную близость его к некоторым удмуртским говорам, ставит коми-язвинский диалект вне системы диалектов обоих коми языков. В этой связи позволю себе напомнить замечание В. И. Лыткина: «Коми-язвинское наречие» отличается «от остальных коми наречий больше, чем коми-пермяцкое и коми-зырянское друг от друга...» (1957 : 53), причем эти отличия он видит и в составе фонем, и в их дистрибуции, и в особенностях акцентуации и т. д. (1957 : 53—55).

В главе «Фонетические особенности коми-пермяцких диалектов» определен состав гласных и согласных фонем коми-пермяцких диалектов, рассмотрены наиболее распространенные фонетические явления в области согласных (дезаффрикация аффрикат; междиалектная корреспонденция *л/в*; различные фонетические процессы, связанные с согласным *й*; ассимиляции согласных и гласных и др.). Пристальное внимание обращено на акцентуационные особенности (с. 23—26), ибо именно эта область составляет наиболее существенное своеобразие фонетики коми-пермяцких диалектов в сравнении с коми-зырянскими и удмуртскими.

Специалиста в области удмуртского языка, в котором по диалектам состав гласных варьирует от 6 до 10 и не менее разительные вариации наблюдаются и в составе согласных фонем, поражает исключительно устойчивый набор исконных гласных (7 единиц) и согласных (26 единиц) фонем, характерный для всех трех пермских литературных языков и — как явствует из доклада — всех коми-пер-

мяцких диалектов; последние в этом отношении отличаются друг от друга лишь степенью освоения ими русских согласных фонем *р', ф, х, ц, ш* и др. Эти и прочие отличительные черты фонетики коми-пермяцких и удмуртских диалектов, естественно, дают пищу для размышлений об исторической фонетике пермских языков и истории формирования системы диалектов каждого из них.

В этом разделе делаются попытки выявить причины фонетических изменений, однако они не всегда достигают своей цели. Так, говоря о причинах звукоперехода *л > в > o* и основанного на этом чередования *л ~ в* (или междиалектной корреспонденции *л/в*), в той или иной форме характерных для всех коми диалектов, автор пишет: «Потенциальная возможность такой реализации (т. е. *л > в > o* — В. К.) была заложена в артикуляционной и акустической близости первичных согласных *л* и *в* (*л* билабиальный)...» (с. 16); «Коми лингвисты появление звука *в* на месте *л* относят к явлению чередования согласных звуков...» (с. 17); «Появление *в* на месте *л* в взовых диалектах был вызван комплексом взаимосвязанных причин, происшедших в фонетической системе южного наречия» (с. 17). В конечном счете все же не совсем ясно, какой «комплекс взаимосвязанных причин» вызвал к жизни ослабление *л* до полного его исчезновения через ступень *в* и обусловленное им чередование *л ~ в* — наличие этих причин в работе лишь декларировано, но сами они не названы. Что же касается антропофонической близости звуков, на что ссылается Р. М. Баталова как на причину рассматриваемого фонетического изменения, то она скорее являет собой возможность (или условие) для взаимоперехода звуков, который может реализоваться лишь при наличии определенных интра- или экстралингвистических причин; при отсутствии же такой причины (или причин) фонетическое изменение, даже при наличии определенных условий, может не осуществиться.

В этой главе (да и в последующих) автор при написании диалектных примеров пользуется как орфографической записью, так и транскрипцией, что создает определенные трудности при восприятии материала. Например, «... в верхнекамском наречии падежное окончание *-ти* является характерной его чертой...» (с. 44). Мне не ясно, как озвучить этот пролативный суффикс: *-ti* (с веллярным *t*, если перед нами транскрипционная запись)

или *-ti* (с палатальным *t'*, если имеем дело с орфографией, ибо *-ti* с твердым *t* в орфографии *-mi*), поскольку каких-либо указаний о форме записи выудить из контекста не удается. Подобных случаев в работе предостаточно.

Слабо использованы возможности компьютера, хотя доклад и представлен в компьютерном наборе; в частности, намного облегчило бы восприятие текста выделение языковых примеров курсивом.

Не совсем понятно, почему Р. М. Баталова от работы к работе пользуется знаком ['] не в традиционных значениях — обычно им принято обозначать огубленный характер гласного или согласного (вверху справа или над буквой, ср. удм. *a'* (или *á* (Wichmann 1893)), *ö'*; коми Я *ə* (Лыткин 1961 : 29) и др.) или же слогообразующее свойство согласного (под последним, ср. и.-е. **nnti-s* 'мышление', **septm* 'семь', **drk-* 'видеть', **wlkʷos* 'волк' и др. (Семереньи 1980 : 59—60)). В работах же Р. М. Баталовой они почему-то употреблены в совершенно иных функциях — для обозначения (1) ослабления определенных согласных или (2) удлинения гласных в результате отпадения согласных. Так, в книге «Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка» он обозначает ослабление согласных *v* (> *v'*) и *j* (> *j'*) (Баталова 1995 : 19); то же самое, по-видимому, имеет в виду автор и в настоящем докладе: «В позиции перед согласными и на конце слова чаще всего появляются варианты фонемы *v* — *v'*, *ŷ*, *ŷ'* и изредка *ø*...» (с. 17) или «*ŷ* с ослабленной артикуляцией обозначается *ŷ'*» (с. 20). Однако наряду с этим она пишет: «Знак (') с правой стороны после гласного обозначает небольшое удлинение предшествующего гласного в результате выпадения последующего *v*» (с. 18).

Глава «Морфологические особенности коми-пермяцких диалектов» является самым большим и наиболее разработанным разделом не только доклада, но и всех монографических исследований автора, что, по-видимому, связано с особенностями самого объекта исследования: наибольшие различия между коми-пермяцкими диалектами (кстати, как и между мордовскими, в отличие от удмуртских) наблюдаются именно на морфологическом уровне.

В этой главе Р. М. Баталова весьма подробно и тщательно проанализировала диалектные особенности словоизменения и словообразования всех традиционно выделяе-

мых частей речи, различия в функционировании отдельных форм и т. д. В системе падежей коми-пермяцких говоров ею выявлено, в частности, количественное варьирование от 17 до 28, что представляет собой уникальное явление не только в пермских языках, но и во всей уральской языковой семье. И не случайно именно эту часть морфологии автор сочла нужным исследовать в докладе методом лингвистической географии. Выявляется весьма интересная вещь: образование вторичных падежей на базе послеложных конструкций происходит в строго ограниченном ареале — на стыке южных коми-пермяцких диалектов и северных говоров удмуртского языка (в последних количество падежей доходит до 21 вместо 15 общеудмуртских), которые некогда имели непосредственные контакты. Причины такого совпадения еще ждут выявления.

В целом же весь этот скрупулезно обработанный и обильно представленный в монографиях и докладе материал, служит ценнейшим источником для исторической морфологии пермских и финно-угорских языков. В качестве примера остановлюсь на нескольких явлениях.

Как уже писалось, вторичные падежные форманты удмуртского языка на *-n'*, восходящие к послеложной основе, присоединяются в северноудмуртских говорах, как правило, к личным местоимениям или к основам имен существительных, обозначающих лицо: *тон-н'а-д* 'к тебе', *муми-н'ън* 'у матери', *ŷармайэз-н'э* 'к своему тестю', *бускэл-ныс'* 'от соседа' и т. д.; и лишь в одном случае зафиксировано сочетание падежного форманта *-n'* с нелицом: *кэч-н'э* 'к зайцу' (подробнее см. Кельмаков 1995 : 14—15). Аналогичное явление отмечено Р. М. Баталовой и в отдельных говорах коми-пермяцкого языка: «В аксеновском говоре нижнеиньвенского диалекта новые падежные форманты (из послелогов — В. К.) употребляются пока что при личных местоимениях, но имеют тенденцию распространяться и на существительные: *миандö* *вок узъныт* 'к нам приходи спать-то' — *вöрдън* 'около леса', *вöрдö* 'к лесу' и т. д.» (с. 33—34). Материалы двух близкородственных языков, кажется, свидетельствуют о том, что вторичные падежи из послеложных сочетаний первоначально возникли в лексико-семантической группе имен существительных со значением 'лицо', а лишь впоследствии распространились и на другие основы.

Для выражения высшей степени качества в северных диалектах коми-пермяцкого языка употребляются слова-усилители *с'эк* (< рус.) (*с'эк бас'ок* 'самый красивый'), *йона* (*йона ыд'жыт* 'самый большой') (с. 47); именно подобные конструкции распространены в отдельных севернудмуртских говорах, ср. *с'эк чэбэр* 'самый красивый', *йун з'ок* 'очень большой' и др.

Ареальный метод исследования морфологии, примененный Р. М. Баталовой, показал еще одну интересную вещь: коми-пермяцкие диалекты, расположенные в непосредственной близости к северным диалектам удмуртского языка и предположительно имевшие в недалеком прошлом непосредственные контакты с последними, имеют ряд общих изоглоссных явлений:

1) при общераспространенном форманте дательного падежа *-л'ө* для говоров верхнекамского наречия (территориально наиболее близкого к ареалу удмуртского языка) характерно окончание *-лы* (с. 36), ср. в.-к. *кин-лы* ~ удм. *кин-лы* 'кому';

2) именно в южных коми-пермяцких диалектах, как и в удмуртском языке, дательный падеж сочетает в себе два значения: косвенно-объектное и целевое (с. 36);

3) пролатив, отмечаемый в северных коми-пермяцких диалектах и лишь небольшой части южных говоров морфемой *-өт*, в верхнекамском наречии имеет формант *-ти* (с. 44) (ср. удм. *-ти, -эти, -т'и, -эти* и др.).

Подобных коми-пермяцко-удмуртских ареальных схождения, нуждающихся в дальнейшем пристальном исследовании, в монографиях и докладе можно найти немало.

Естественно, в огромном (110 авт. л.) исследовании Р. М. Баталовой, нашедшем свое воплощение в нескольких монографиях и статьях, а также в рецензируемом докладе, который, кстати, имеет и самостоятельную научную ценность, можно обнаружить и спорные моменты, и не до конца решенные проблемы, но то, что сделано автором, представляет собой весомый вклад не только в коми-пермяцкое языкознание, но и в общую пермистику и финно-угроведение в целом. Если еще в середине 50-х годов В. И. Лыткин считал коми-пермяцкие диалекты наименее изученными в системе коми диалектов (Лыткин 1955 : 22), то после выхода в свет монографий и данного научного доклада Р. М. Баталовой коми-пермяцкий язык встал в ряд наиболее разработанных в диалектологическом отношении восточных финно-угорских языков.

Сокращения

в.-к. — верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка; **кЯ** — коми-язьвинский диалект.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
- 1982, Ареальные исследования по восточному финно-угорскому языку: Коми языки, Москва.
- 1990, Оньковский диалект коми-пермяцкого языка, Москва.
- 1995, Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гамбург.
- Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. 1984, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва.
- Кельмаков В. К. 1995, К вопросу о лексико-семантическом разряде *лица/нелица* имен существительных в удмуртских диалектах. — Вестник Удмуртского университета, № 5, Ижевск, 13—19.
- 1997, [Рец.] Р. М. Баталова, Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гамбург 1995. — LU XXXIII, 146—151.
- Лыткин В. И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем. ч. 1, Москва.
- 1957, Историческая грамматика коми языка. ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар.
- 1961, Коми-язьвинский диалект, Москва.
- Семереньи О. 1980, Введение в сравнительное языкознание, Москва.
- Wichmann, Y., 1893, *Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche*, Helsingfors.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)